

Буянов Е.В.

Вероучение и течения духовных христиан молокан

Исследование поддержано грантом Российского научного фонда, тема «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308

Е.В. Буянов

Аннотация. Статья посвящена анализу религиозного учения духовных христиан молокан России на основе исторических источников и литературных материалов второй половины XIX – первой половины XX вв. Рассматриваются основные течения русского молоканства – староуклеинцы, молокане донского толка, субботники, воскресники, общие молокане, прыгуны, постоянные молокане, духовные молокане. Делается вывод, что молокане с их рациональным подходом к духовному миру человека и хозяйственному быту были представителями и носителями новых буржуазных общественных отношений.

Ключевые слова: неправославная христианская секта, молокане, молокане-староуклеинцы, молокане донского толка, субботники, воскресники, общие молокане, прыгуны, постоянные молокане, духовные молокане

В последние годы заметен повышенный интерес исследователей к неправославным русским христианским сектам (молокане, духоборы, баптисты). В данной статье автор применяет понятие «секта» в строго научном употреблении, связанном с обозначением религиозного сообщества, отделившегося в своём развитии от более общей религиозной традиции. Заметим, что до сих пор преобладающим направлением в российском религиоведении является изучение деятельности Русской православной церкви и иных исторически традиционных для нашей страны конфессий. Отчасти это связано со сложившимся в обществе негативным отношением к сектам, особенно после атеистической кампании конца 50-х – середины 60-х гг. XX в., направленной, главным образом, против сект. Во-вторых, сохранилось мало документальных источников, характеризующих вероучение сектантов. Сами молокане о себе практически ничего не писали. Царские власти не проводили систематической работы по сбору информации, касающейся инославных религиозных обществ, в том числе молокан. В архивах сохранились только те материалы, которые представляли практическую важность для администрации. Например, Министерство внутренних дел постоянно запрашивало с мест ведомости о численном составе сектантов; МВД особенно интересовали факты перехода православных в секты и сектантов в РПЦ. Вопросы доктринального характера чиновников не интересовали. Православные священники и публицисты редко считали важным и полезным делом изучение веры еретической секты. В их суждениях и оценках молокан сквозит дух религиозной нетерпимости, а порой и фанатизма.

Советские авторы 20-х–30-х гг. XX в., для которых любая религия была враждебной силой, если и писали что-либо о сектах, то почти с единственной целью их полной ликвидации. А в начале 70-х гг. уже не осталось в живых членов молоканских общин, которые с детства участвовали молитвенных собраниях, помнили порядок богослужения, придерживались обычаев и традиций предков.

Кроме того, русское молоканство со времени своего появления и до 1923 г. не имело общего руководящего центра, соответственно религиозное учение молокан не представляло единого непротиворечивого целого; уже к середине XIX в. секта разделилась на множество течений и толков. Этот факт значительно осложняет описание молоканского вероисповедания. И ещё один момент: молоканское движение родилось в противостоянии с РПЦ, в борьбе с догматами официальной церкви, поэтому старание молокан было в первую очередь обращено на выяснение тех пунктов веры, в которых они особенно сильно расходились с православием, развитию же своего учения не придавалось должного значения.

В целом надо признать, что вероучение духовных христиан молокан России остается мало разработанной в современной науке проблемой. Между тем, молокане создали самостоятельное христианское течение, включающее в себя особенный религиозный быт и позитивную трудовую этику. Молокане были по большей части людьми зажиточными, их отличал достаток и преуспевание во всех делах, за которые они брались. Везде они ощутимо отличались от окружающего православного населения. Православие формировало пассивное отношение людей к действительности: непротivление насилию, терпеливое ожидание Божьего чуда как награды за усердие в молитвах, за смиренное поведение и скромные социальные запросы. Религиозные же воззрения молокан были сродни западному протестантизму с его учением о Божьем предопределении – Бог помогает самым активным, способным и талантливым. Молоканство, как и многие протестантские течения, было антитезой феодальных общественных отношений, его учение всемерно поощряло материальное обогащение с Божьей помощью. У молокан сложилось особое отношение к труду, в основе которого лежал экономический рационализм; им были присущи трудолюбие, дисциплинированность, упорство в достижении поставленной цели, рачительность, практицизм. На первое место в своём учении молокане ставили рациональное начало в познании Бога и связанную с этим этику «добрых дел». Молокане полагали, что спасение человека напрямую зависит от его добросовестного труда.

В начале XX в. молокане проживали в Тамбовской, Воронежской, Саратовской, Самарской, Астраханской, Сибирской, Нижегородской, Владимирской, Рязанской, Таврической, Ставропольской, Оренбургской губерниях, в Донской, Кубанской, Амурской, Тургайской областях, в Закавказье. Видный молоканский проповедник Н.Ф. Кудинов утверждал, что в начале XX в. духовных христиан молокан в России насчитывалось более миллиона душ обоёго пола¹. Молоканство как рационалистическое христианское течение выделилось из секты духоборов в 50-е гг. XVIII в. До сих пор не предложено удовлетворительного объяснения происхождения названия когда-то самой многочисленной русской неправославной христианской секты. Кличка «молокане» была присвоена секте Тамбовской консисторией Русской православной церкви в 1765 г. (в донесении Синоду секта названа «молоканией»)². Изначально сектанты называли себя «духовными христианами»; они понимали Св. Писание не в буквальном, а в духовном смысле, а ибо «буква убивает, а дух животворит» (2 Кор. 3:6). К середине XIX в. они стали

называть себя «молокане». При этом в соответствии с традицией нашлись и соответствующие ссылки на текст Св. Писания, которое молокане очень чтит: «как новорождённые младенцы возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение» (1 Пет. 2:2); «я питал вас молоком» (1 Кор. 3:2); «для вас нужно молоко», «всякий, питаемый молоком» (Евр. 5:12–13) и другие библейские фразы.

По свидетельству Н.Ф. Кудинова, название «духовное христианство» происходит от того, что последователи этого учения отрицали ветхозаветные обряды и постановления, принятые другими христианскими церквями. По его словам, молокане свободны от всякого церковного формализма и поклоняются Богу в духе и истине (Иоанн. 4:23, 24). В молитвах и, вообще, при исполнении религиозных треб, они не прибегают к внешним знакам или установленным формам, а также не признают никаких особенных святых мест, имеющих особое значение для молитвы. В их общинах нет ни старших, ни младших, они не делятся на сословия или ранги – все равны во Христе. Не признают никакой церковной иерархии и никакого священства, поэтому у них нет никаких посредников или ходатаев между Богом и человеком, кроме посредника и ходатая Иисуса Христа (1 Тим. 2:5). Никому никаких жертв не приносят, кроме духовных жертв, которые суть молитвы; не ставят свечей пред иконами, которых не имеют и не кадят ладаном. Нет у них храмов с украшениями, а есть молитвенные дома без всяких украшений и колоколен. Святым не молятся и не просят о защите. Святых угодников и мощей не признают. Таким образом, духовное христианство есть безобрядная, основанная не на букве Ветхого завета и вытекающих из него внешних форм, а на духе учения Христа и следующих из него основ нравственного закона духа и жизни вера³.

В первой половине XIX в. молоканское движение шло на подъём. А.И. Клибанов отмечал, что силу молоканству придавало то обстоятельство, что оно покончило с «христианским анархизмом» – поставило под своё учение фундамент Библии, и каждое выступление и действие проповедников и рядовых последователей молоканства непременно подкреплялось приличествующей цитатой из Ветхого или Нового завета. Многих людей привлекали ценностные ориентации молоканства – умеренность, труд, трезвость, честность, верность семье и домашнему очагу⁴.

В результате постоянного идейно-религиозного брожения в первой половине XIX в. молоканство раздробилось на множество отдельных течений, отличающихся друг от друга неодинаковым пониманием тех или иных пунктов своего учения. Важнейшими среди них были следующие.

Молокане староуклеинцы (молокане «семушкиной веры»). В 1865 г. в Женеве было издано «Вероисповедание духовных христиан, обыкновенно называемых молоканами» содержащее основные положения старомолоканского учения. Девять пунктов понимания Бога в «духе и истине» староуклеинцев сводятся к следующему.

1. «Веруем во единого Бога Отца и поклоняемся святому имени его... он есть единство, сущность, истина, свобода, красота... он проявляется неисчислимыми образами, и именам его нет конца». 2. «Сын Божий для спасения рода человеческого безсеменно родился от девы Марии». 3. «Господь играет человеком», «человек обладает божественной природой и является свободным... он должен знать и он согрешил, тем самым нарушив единство со своим творцом, и теперь должен сам, своими силами достигать блаженства единения с Богом». 4. Источников познания Бога, по учению староуклеинских молокан, три. Внутреннее познание: «Во всей полноте своей Бог

открывается нам в нашем духе, ибо мы созданы по образу и подобию Божию». Познание через восприятие окружающего мира, ибо «мы же во всём видим присутствие его, и вся красота, лепота и сияние мира есть только отблеск его единого, красивого, лепотного, сияющего во славе своей». И наконец Библия, то есть Святое писание Ветхого и Нового завета. «Кроме поименованных источников для богопознания никаких не принимаем, так как апостол Павел говорит: «Но если бы даже мы или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1:8). 5. Об иконах, мощах и прочем: «Аз господь Бог твой, не должно быть богов других пред лицом моим»; «заповедью этой Господь запретил отдавать божеские почести кому-либо кроме себя». Иконы и мощи суть «идолы», которых надо «низвергать». 6. «Архиерей и первосвященник истинной церкви есть единственно Иисус Христос. Кроме Иисуса Христа никаких архиереев, первосвященников в Новом завете нет и быть не может, и, назначая себе архиереев из смертных, люди как бы желают находиться под архиерейством Христа... «Итак, имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса, Сына Божия, будем твёрдо держаться исповедания нашего» (Евр. 4:14). «Для наблюдения принятого порядка при богослужении, для чтения Св. Писания, а также для произнесения молитв каждая из наших местных общин выбирает себе пресвитера или епископа (надсмотрщика и к нему двух помощников». 7. О храмах, монастырях, молитве и посте. Молокане не признают храмов и монастырей, они не крестятся, так как считают это совершенно лишним: «Христос приказал нам нести духовный крест, то есть страдания, которые нам ниспосылаются, а от креста, которым знаменуются приверженцы православия, только руки устают, а спасения от него никакого нет». Пост (Страстная седмица) нужен человеку «не для показу, а для смирения плоти, для укрощения страстей и плотских мучений, которые добровольно принял наш божественный Учитель. В эти дни мы ничего не едим и не пьём и проводим их в молитве, всех же остальных постов мы не признаём». Пост имеет профилактическое значение, ибо «если бы люди обращались чаще к посту и молитве, то реже были бы случаи преступления и соблазна. В посте и молитве человек не станет пьянствовать, ругаться и сквернословить». 8. О таинствах крещения и причащения. «Таинств, – говорят молокане, – мы никак не признаём, ибо всякая тайна открыта с пришествием Иисуса Христа и его последователей» и далее: «истина Божия должна быть раскрыта, и делающие из неё тайну принимают великий грех на душу, ибо утаивают путь спасения, указанный нам». «Чтение Св. Писания есть истинное причащение тела и крови господина Иисуса Христа». 9. О кончине мира и загробной жизни. «Веруем в жизнь за гробами и в воскресение мёртвых и потому при исходе души от тела молимся и поём псалмы; так же и при погребении». Про рай: «Люди войдут в него духовно, так как само воскресение из мёртвых будет иметь не телесный, а духовный характер»⁵. На основе староуклеинского толка в начале XX в. оформилось самое многочисленное течение ортодоксальных молокан называвших сами себя «постоянными».

Пресники, которые на основании слов Иисуса Христа «берегитесь закваски фарисейской и саддукейской» (Матф. 16:6) запрещали употреблять в пищу всё квасное, кислое, а также лук и чеснок, сахар, хмель и тому подобное, боясь, что такая «закваска» приведёт их в «геенну огненную». К началу 30-х гг. XX в. пресники, за редкими исключениями, фактически исчезли⁶.

Последователи Исаяи Крылова, который владея хорошей памятью и зная наизусть почти всё Св. Писание указывал на то, что в Завете Новом говорится о многих обрядах, не существующих у молокан и настаивал, чтобы

такие обряды были непременно усвоены. В этом смысле он ввёл колено-преклонения и воздевание рук при молитве, преломление хлеба на «тайной вечере» молокан. Эту тенденцию продолжил некто Маслов, введший при совершении вечери у молокан чтение наставником Евангелия и раздачу благословенного хлеба, который сектанты съедали, запивая вином⁷.

Молокане донского толка. Учение Маслова было подхвачено донским казаком Андреем Саламатиным, В 1828 г. он был сослан в молоканское село Ново-Васильевку Бердянского уезда Таврической губернии (ныне Мелитопольский район Запорожской области, Украина).

Ещё при жизни Семёна Уклеина в секте были те, кто ещё не порвал окончательно с православием. Появление таких проповедников как Исая Крылов, Маслов, а впоследствии Саламатин, привело к их объединению в особую религиозную общину⁸. Так произошли молокане донского толка. Это была самая близкая к православной церкви из всех рационалистических русских сект. Молокане донского толка признавали несостоятельность учения Уклеина об одном лишь духовном служении Богу и имели много обрядов, большей частью близких к обрядам церкви. Так, по рождению младенца, наставник читал особую молитву и нарекал имя, в 40-й день по рождению читалась очистительная молитва жене-родильнице, крещение совершалось через троекратное погружение в воду, предварительно освящённую по особому чину. Наставники у молокан донского толка исповедовали кающегося по установленному чину и читали над ним разрешительную молитву. Особенно близко к православию было у них чинопоследование и причащение. Относительно священства эта группа молокан учила, что у них один священник, священник навсегда – Иисус Христос. Тем не менее, при избрании своих «наставников» в общине совершался обряд рукоположения, причём возлагали на посвящаемого руки все присутствующие. У них также существовало елеопомазание больных. Донские молокане подчинялись властям без каких-либо ограничительных условий, совершали молебны за них, не уклонялись от военной службы и признавали присягу⁹.

Н.М. Никольский писал, что этот толк, базировавшийся на зажиточной части казачества и на некоторых элементах нижеволжского и донского купечества, был, в сущности, православием без православных священников. Он сохранил почти в неприкосновенности православную догматику, православные таинства, церковную магию и погребальный культ, заменив только священников выборными пресвитерами и славянский язык православных богослужебных формул – русским; пресвитеры «донского толка» служили по русскому переводу православного требника¹⁰. В начале XX в. донские молокане подверглись сильному влиянию баптистов и евангелистов. В 1931 г. И.П. Морозов писал, что «И сейчас можно указать немало таких баптистских и евангелических общин, которые возникли среди донских молокан, а под конец поглотили их»¹¹.

Субботники и воскресники. Некто Семён Долматов, бывший сначала наставником секты иудействующих, затем обращённый в молоканство Уклеиным, настаивал, чтобы молокане, подобно иудеям, не вкушали свинины, рыбы, не имеющей чешуи, и вообще пищи, запрещённой Моисеевым законом. Уклеин сначала этому настоянию сопротивлялся, но потом уступил, не оглашая впрочем, вновь принятые правила всему обществу молокан. Когда о нововведении узнали молокане мелитопольские и саратовские, произошло движение против Уклеина, но напрасно недовольные доказывали, что закон Моисеев не может считаться обязательным, ибо апостол называет его лишь прообразом закона Иисуса Христа. Некоторые ученики Уклеина пошли

дальше своего учителя и стали доказывать вообще превосходство иудаизма над христианством, а о Христе стали говорить, что он – простой человек, пророк, низший Моисея, сам исполнявший безусловно законы Ветхого Завета. Главным представителем этого учения был Сундуков, крестьянин села Дубовки Саратовской губернии. Отвергнув почти все христианские догматы, он в числе других установлений иудаизма ввёл у молокан чествование субботы, взамен дня воскресного, отчего его последователи получили название субботников. Чистые же молokane в Саратовской губернии стали называться воскресниками. Впоследствии субботники слились с ранее существовавшей сектой «жидовствующих» или «иудействующих».

Дальнейшее развитие молоканства привело к появлению групп «**общих**» молокан и «**прыгунов**». В книге Деяний апостолов есть такие выражения о жизни первых христианских общин: «Все верующие были вместе и имели всё общее», «И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого», «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее» (Деяния. 2:44–45; 4:32).

Некто ссыльный Михаил Акинфиев Попов на основании этих слов потребовал, чтобы в его общине (в Шемахинском уезде, в Закавказье) был общий труд и чтобы всё, вырученное этим трудом, не было чьею-либо собственностью, а становилось достоянием общины. С первого же раза у него нашлось много последователей, они принесли к его ногам всё своё имущество, для которого Попов устроил особый склад, затем избрал 12 апостолов и казначей. Впоследствии пожертвование всего имущества в пользу общины было заменено взносом одной десятой его части, и, кроме того, практиковались добровольные пожертвования деньгами и вещами (холст, нитки и т. п.), которые клались на стол под полотенце во время общих собраний, а оттуда поступали в общую кассу. Из неё выдавались пособия нуждающимся, при условии возврата ими поста по дню за каждый взятый рубль. Если пост (состоящий в том, чтобы ни хлеба не есть, ни воды не пить) не был по силам получившего пособие, то этот последний мог обратиться к собранию с просьбой разделить пост, что и исполнялось желающими по силе слов апостола: «друг друга тяготы носите». Община «общих» молокан обыкновенно управлялась двенадцатью избранными лицами, во главе которых стоял «судья»; на нём лежала обязанность объяснять Св. Писание в собрании и наблюдать за другими управителями («жертвенник», «распорядитель», «словесник», «молитвенник» и т. д.). В отношении культа «общие» молokane отличались тем, что у них была узаконена публичная исповедь перед «судьёю», хотя была доволена и частная исповедь перед «жертвенником». Основной принцип молоканства – право свободного толкования Св. Писания – у «общих» молокан не существовал; если у кого-то возникало своё мнение о смысле того или иного изречения Св. Писания, он обязан был сообщить об этом «судье», и только с его разрешения мог предложить свои мысли вниманию других членов общины¹².

Со временем в секте общая касса сделалась средством расхищения капиталов общины: из них можно было брать ссуду, причём за невозвращённые ссуды была наложена только ради соблюдения приличия епитимья в виде поста за каждый взятый рубль. Разложение общины Попова стало фактом, его движение пошло на убыль и стало затихать. «Общие» молokane с самого начала не имели широкого распространения, а перед революцией 1917 г. их насчитывалось всего 70–100 человек, но они уже ничем не напоминали собой первых «общих». Каждый самостоятельно владел хозяйством, и только, как пережиток старого они сохранили общинную кассу, в которую

собирались добровольные пожертвования от щедрот верующих¹³.

В 40-е гг. XIX в. среди духовных христиан, высланных из внутренних губерний России в Закавказье, распространилось учение под названием прыгунов (сопунов) или как они сами называли себя «сионцев», «сионских братьев» (так как над ними якобы «сияет свет Сиона»). Прыгунство вышло из секты «общих» молокан. Многим в этой секте не нравилось, что избранные 12 лиц пользовались особым религиозными правами, и рядовая братия должна была исповедоваться перед «судьёю», который становился, таким образом, не только распорядителем внешних дел в общине, но и владыкой совести людской.

Начало секте прыгунов положил в 30-е гг. XIX в. Лукиан Петров, который, прочитав слова псалма пятидесятого, стих девятый «окропи мя иссопом», стал учить, что во время богослужений собравшиеся взамен исповеди, должны сопеть друг на друга, чтобы взаимно освятиться и очиститься от грехов. От этого обычая группа вначале была известна под именем сопунов. Позже Петров восстановил исповедь и исповедовал сам, взимая за это плату. Петров также ввёл обряд воскресения мнимо умерших дев; во время собрания какая-либо из женщин, притворяясь умершею, падала со скамьи, а учитель, подойдя к ней, разными манипуляциями и молитвами якобы воскрешал её, и она вставала. Затем, чтобы возбудить большую деятельность духа в верующих, Петров ввёл в собраниях прыгание и скакание с произнесением каких-либо слов и пением стихов, якобы по примеру царя Давида, который «пред санным ковчегом скакаше играл». Возможно, Петров перенял этот обряд от секты хлыстов¹⁴.

Первым проповедником нового учения был житель села Андреевки Бакинской губернии Укоп Любавин. В 1855 г. Любавина «за распространение изуверского лжеучения» отправили в арестантские роты, и во главе секты прыгунов встал крестьянин села Никитино Эриванской губернии Максим Гаврилович Рудометкин, по прозвищу Комар. Свою деятельность он развернул в Александропольском уезде (Закавказье), где издавна проживали хлысты, от которых прыгуны много позаимствовали¹⁵.

Основным догматом прыгунов, перенятым ими от хлыстовства, является вера в полное спасение через «нисхождение Духа святого». Спаситься может каждый, по-христиански ведущий свою жизнь, и спасение это будет видно не там, в загробном мире, а здесь, когда на верующего «нисходит Святой дух». Признаком того, что человек удостоился «небесной благодати», является его нечленораздельная речь, выкрикиваемая им на молитвенном собрании, конвульсивные телодвижения и вообще та или иная ненормальность. Прыгание, подёргивание есть как бы вступление, подготовка себя к восприятию духа. Современник писал, что происходило это обычно таким образом. Придя на молитвенное собрание, молокане-прыгуны ведут себя вначале тихо. Поют псалмы, беседуют о религиозных делах, слушают нравоучительные наставления старцев, но знают, что это всё ненастоящее. Главное будет впереди. Ожидание «духовной благодати» приподнимает настроение. Тоскливо и заунывно звучат молитвы. Молящиеся поворачиваются друг к другу и дуют каждый в лицо своему партнёру (сопят), помогая ему скорей получить «духа». Под влиянием такой обстановки и внушения, что Дух Святой обязательно низойдёт, некоторые начинают подёргивать ногами, поводить плечами, «трепетать плотию», как говорили сами прыгуны. «Трепетание плотию» переходит в прыганье, скакание. Прыгают все присутствующие: старики, женщины, дети. Исступлённая пляска заканчивается пророчествами и разговорами на непонятных языках — «хождением в духе»¹⁶.

Н.Ф. Кудинов пояснял: по Писанию, как говорили прыгуны, Дух Святой должен проявляться видимым образом в телодвижениях и прыгании молящихся, чтобы вместе с духом человека и плоть принимала участие в служении Богу, ссылаясь при этом на слова апостола Павла: «представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего» (Римл. 12:1). Предоставляя свою плоть в полное распоряжение духа, прыгуны до такой степени утомляли грешную плоть, что она часто приходила в состояние полного изнеможения, что и являлось у прыгунов доказательством их истинного служения Богу в «душах и телесах»¹⁷.

Главная сущность веры прыгунов заключалась в ожидании близкого наступления тысячелетнего царства Божия и пришествия Христа на землю. В этом великом событии М.Г. Рудометкин должен был сыграть роль «царя небесного», ведущего всех прыгунов на гору Сион для получения золотого венца, который самим Христом будет возлагаться на голову каждого прыгуна. Об этом Сионе прыгуны не переставали мечтать день и ночь. Пришествие Христа прыгунскими пророками предсказывалось на 1856 г., к этому времени они готовились Его встретить, раздавая всё имущество другим, но после, когда пророчество не исполнилось, им пришлось бедствовать и страдать¹⁸.

В 1857 г. М.Г. Рудометкин провозгласил себя «царём» духовных христиан и, короновавшись, сшил себе особый костюм с чем-то вроде эполет, на которых значились буквы «Ц» и «Д» (то есть, «царь духовных»). Он был схвачен и несколько лет провёл в заточении в Соловецком монастыре.

В последующее время секта уже не имела «царей» и не обнаруживала никаких антигосударственных устремлений. Прыгуны также были известны под именем «веденцев». Они праздновали субботы, еврейские пасхи и праздник кущей, основываясь на том, что об этом говорится в Св. Писании. Прыгуны считали себя «избранными» среди молокан и учили, что в наступающем тысячелетнем царстве Христовом они займут привилегированное положение. Однако, чем дальше, тем больше прыгунство из рационалистической молоканской секты трансформировалось в секту мистическую, обнаруживая тенденции к сближению с жидовствующими¹⁹.

Молокане-перевоплощенцы. Они позаимствовали от хлыстов идею перевоплощения Христа, заключающуюся в следующем, – Бог как бы распыляет свою силу и благодать по всему миру, однако это не создаёт тесного единения между ними. В Боге имеется ещё остаток, который воплощается в каком-нибудь одном человеке-христе. Христос не только Иисус, им были Адам, Авель, Ной, Моисей, Уклеин и так далее. Молокане-перевоплощенцы отрицали конец мира через второе пришествие Христа, так как никакого второго пришествия не будет в силу того, что христы будут, не переставая, приходиться на землю²⁰.

Молокане тамбовского толка. По сведениям Н.Ф. Кудинова, отделившись от православия, духовные христиане не сразу порвали с ним; некоторые обряды долго сопутствовали им. Кроме того, вместо православных обрядов, духовные христиане постепенно стали использовать иные обряды. Обряды, установленные первыми основателями учения духовных христиан, заключались в следующем: во время общественного богослужения было введено, так называемое поклонение, то есть целование друг друга, затем необходимое вставание всех присутствующих в собрании при входе вновь пришедшего; постилание соломы или какой-либо дерюги перед молящимися старцами; чтение известного количества молитв из псалмов или из пророчеств, а также сочиненных самими старцами. Правда, первые основатели духовного христианства всем этим обрядам не придавали особого значения так как не были установлены Христом или апостолами, а потому, что они

сформировались позже в результате трансформации традиций. Потомки духовных христиан стали освящать эти обряды и считали их установленными Духом святым. Такое убеждение было присуще духовным христианам Шемахинского уезда в Закавказье²¹. Нечто похожее сообщает И.П. Морозов. Он пишет, что в некоторых молоканских собраниях начала XX в. можно было видеть следующую картину: каждый вновь пришедший отвешивает всему собранию низкий поклон, потом подходит к присутствующим, к каждому отдельно, снова отвешивает глубокий поклон, говоря при этом: «пречистому образу твоему поклоняемся, владыко»; после поклона тот, который кланялся, и тот, которому кланялись, производят «святое лобзание» со словами: «целую образ твой святой, владыко»²². Так поступали молокане тамбовского толка.

По мнению Н.Ф. Кудинова, эти обряды в молоканской среде имели глубокие жизненные причины. Известно, что целование друг друга означает радостное известие и печальное расставание. Также известно, что духовные христиане в то время жестоко преследовались, неожиданно арестовывались и ссылались в разные стороны, при этом им не давали возможности проститься с братьями по вере и даже с родными и близкими. Это положение, в котором находились духовные христиане, и создало обряд целования в молитвенных собраниях; оно совершалось в знак радостного свидания с теми братьями, которые не были арестованы в прошедшую неделю, в знак прощания потому, что неизвестно, придется ли еще встретиться между собой.

Обряд этот считался в XIX в. необходимым в молитвенных собраниях и имел глубокий смысл и значение. Кроме этого, обряд этот имел еще и другой смысл: к его исполнению допускались лишь те братья и сестры, которые вели безукоризненный образ жизни; замеченные в каком-либо преступлении не допускались до исполнения этого обряда; он был как бы средством для исправления провинившихся братьев и сестер. Впоследствии, когда репрессии ослабли, и внезапные высылки прекратились, и к исполнению этого обряда стали допускаться все без разбору, он потерял всякий смысл, и исполнялся не потому, что имел важное религиозное значение, а потому, что так делали предки молокан.

Возникновение обряда вставания при входе в молитвенное собрание тоже имело свои основания. Духовным христианам приходилось собираться в тесных крестьянских избах, где повернуться было трудно. При входе нового члена все должны были встать, чтобы дать место вновь вошедшему. Чтение слова Божия происходило потому сидя, что вначале народу собиралось мало, и все усаживались вокруг стола так, чтобы всем было слышно, как читалось слово Божие. Кроме этого в толковании прочитываемого принимали участие все присутствующие, читающие почти не принимали никакого участия в толковании религиозных текстов. Когда присутствующие постепенно стали воздерживаться от вмешательства в толкование читаемого, тогда толкование переходило к читаемому, и когда собрания стали многочисленными, тогда нужно было вставать читаемому и объяснять прочитанное без вмешательства других.

Постилание соломы или дерюги совершалось потому, что в избах было грязно. Впоследствии постилание стало понемногу приобретать значение святости, но вскоре на чистых полах постилать ничего не стали²³.

Духовные молокане. В учении коренных молокан, в том пункте, где они говорят о спасении души и наследовании вечной жизни, видное место занимает догмат о покаянии. Верующий только в том случае попадет в рай и насладится блаженством жизни в нём, если он освободится путём покаяния от грехов, налипших на нём за время пребывания на земле. Приносить по-

каяние нужно один раз в жизни – перед смертью, с таким расчётом, чтобы нельзя было больше грешить. Духовные молокане этого ограничения не признавали. «Раз, – рассуждали они, – приход смертного часа нам неизвестен, а осторожность никогда не лишняя, надо приносить покаяние каждый день»²⁴.

Немногочисленные духовные молокане (евангельские духовные христиане) разделялись на признававших водное крещение (мокрые молокане) и отвергающих его (сухие молокане). Историю возникновения и развития этого направления духовного христианства описывает Н.Ф. Кудинов. В 90-х гг. XIX в. в г. Тифлисе член местной молоканской общины П.И. Лезин вел безукоризненный образ жизни и обратил на себя внимание старцев, которые стали приглашать его вести беседы на молитвенных собраниях. Вскоре, опираясь на некоторую часть молодежи и поддержку богатого отца, Лезин начал доказывать старцам необходимость изменения порядка общественного богослужения: изъятие ковра, постилавшегося перед старцами, отказ от поклонения, отмену вставания всех молящихся при входе в молитвенный дом, ведение моления не псалмами, а избранными молитвами, так называемыми «сердечными», как это было принято у баптистов, но старцы на это не пошли. Руководство Тифлиско-песковской молоканской общины было не против реформ, но оно хотело, чтобы преобразования шли от них, стариков, а не от молодежи. Старцы ждали, что когда придет время, некоторые консервативные пресвитеры отойдут в вечность, а другие согласятся на реформы. Резкие нападки Лезина на старцев за медлительность в проведении реформ вынудили последних выразить ему недоверие. Тогда у Лезина созрел план создать новую общину, которая была бы сходной с баптистами, но только без водного крещения и преломления, а также, чтобы в новой общине не ели свиного мяса и другое, запрещенное законом Моисея. Когда к общине «сухих» присоединились молодые энергичные люди, составилась хороший хор, в котором было много женщин, дело наладилось, и народ стал во множестве посещать их собрания. Однако между вождями «сухих» начались трения, и Лезин был вынужден уступить первенство в общине. Под влиянием этой борьбы в молоканских общинах Закавказья были проведены реформы: отменили постилание ковра, поклонение и прочее. В результате к 20-м гг. XX в. почти полностью прекратился переход духовных христиан в евангельские христиане²⁵.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. молоканское движение в России сумело выработать привлекательное для широких масс христианское неправославное учение. В его основе лежала безобрядная вера в Бога и возможность для человека непосредственного общения с ним. Молоканство отразило социальный протест русского крестьянства и низов городского населения против феодальных порядков и институтов, освящавших их, главным из которых была господствующая Русская православная церковь. Молокане с их рациональным подходом к духовному миру человека и хозяйственному быту были представителями и носителями новых буржуазных общественных отношений.

Библиографический список

1. Прыгуны // Большой Российский энциклопедический словарь. – М., 2006. – С. 1263.
2. Клибанов А.И. Религиозное сектанство в прошлом и настоящем. – М., 1973.
3. Кудинов Н.Ф. Духовные христиане молокане // Молоканский журнал «Духовный христианин». – 1992. – № 1. – С. 10–49.
4. Молокане // Энциклопедический словарь. Т. XIX, полутом 38 / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб, 1896. – С. 644–646.

5. Морозов И.П. Молокане. – М., Л., 1931.
 6. Никольский Н.М. История русской церкви. – Изд. 3-е. – М., 1983.

- ¹ Кудинов Н.Ф. Духовные христиане молокане // Молоканский журнал «Духовный христианин». – 1992. – № 1. – С. 10.
² Молокане // Энциклопедический словарь. Т. XIX, полутом 38 / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб, 1896. – С. 644; Морозов И.П. Молокане. – М., Л., 1931. – С. 6.
³ Кудинов Н.Ф. Духовные христиане молокане // Молоканский журнал «Духовный христианин». – 1992. – № 1. – С. 10–11.
⁴ Клибанов А.И. Религиозное сектанство в прошлом и настоящем. – М., 1973. – С. 104.
⁵ Цитировано по: Морозов И.П. Указ. соч. – С. 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24.
⁶ Там же. – С. 33.
⁷ Молокане // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – С. 645.
⁸ Морозов И.П. Указ. соч. – С. 28–29.
⁹ Молокане // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – С. 645.
¹⁰ Никольский Н.М. История русской церкви. – Изд. 3-е. – М., 1983. – С. 382.
¹¹ Морозов И.П. Указ. соч. – С. 29.
¹² Молокане // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – С. 645.
¹³ Морозов И.П. Указ. соч. – С. 30, 58.
¹⁴ Молокане // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – С. 645–646.
¹⁵ Молокане // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – С. 646; Большой Российский энциклопедический словарь. – М., 2006. – С. 1263; Кудинов Н.Ф. Указ. соч. – С. 29; Морозов И.П. Указ. соч. – С. 31.
¹⁶ Морозов И.П. Указ. соч. – С. 31–32.
¹⁷ Кудинов Н.Ф. Указ. соч. – С. 29.
¹⁸ Кудинов Н.Ф. Указ. соч. – С. 30.
¹⁹ Молокане // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – С. 646.
²⁰ Морозов И.П. Указ. соч. – С. 32–33.
²¹ Кудинов Н.Ф. Указ. соч. – С. 34–35.
²² Морозов И.П. Указ. соч. – С. 32–33.
²³ Кудинов Н.Ф. Указ. соч. – С. 35–36.
²⁴ Морозов И.П. Указ. соч. – С. 32–33.
²⁵ Кудинов Н.Ф. Указ. соч. – С. 37, 38, 39, 40, 41.

References

1. Kudinov N.F. *Dukhovnyy khristianin* [Spiritual Christian]. 1992, No. 1, P. 10.
 2. Brockhaus F., Efron I. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1896, Vol. XIX, P. 644.
 3. Morozov I.P. *Molokane* [Molokans]. Moscow, Leningrad, 1931, P. 6.
 4. Kudinov N.F. *Dukhovnyy khristianin* [Spiritual Christian]. 1992, No. 1, pp. 10–11.
 5. Klibanov A.I. *Religioznoe sektantstvo v proshlom i nastoyashchem* [Religious Sects in the Past and Present]. Moscow, 1973, P. 104.
 6. Morozov I.P. *Molokane* [Molokans]. Moscow, Leningrad, 1931, pp. 14–24.
 7. Morozov I.P. *Molokane* [Molokans]. Moscow, Leningrad, 1931, P. 33.
 8. Brockhaus F., Efron I. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1896, Vol. XIX, P. 645.
 9. Morozov I.P. *Molokane* [Molokans]. Moscow, Leningrad, 1931, pp. 28–29.
 10. Brockhaus F., Efron I. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1896, Vol. XIX, P. 645.
 11. Nikol'skiy N.M. *Istoriya russkoy tserkvi* [History of the Russian Orthodox Church]. Moscow, 1983, 3d Ed., P. 382.
 12. Morozov I.P. *Molokane* [Molokans]. Moscow, Leningrad, 1931, P. 29.
 13. Brockhaus F., Efron I. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1896, Vol. XIX, P. 645.
 14. Morozov I.P. *Molokane* [Molokans]. Moscow, Leningrad, 1931, pp. 30, 58.

15. Brockhaus F., Efron I. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1896, Vol. XIX, pp. 645–646.
16. Brockhaus F., Efron I. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1896, Vol. XIX, P. 646.
17. *Bol'shoy Rossiyskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [The Big Russian Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 2006, P. 1263.
18. Kudinov N.F. *Dukhovnyy khristianin* [Spiritual Christian]. 1992, No. 1, P. 29.
19. Morozov I.P. *Molokane* [Molokans]. Moscow, Leningrad, 1931, P. 31.
20. Morozov I.P. *Molokane* [Molokans]. Moscow, Leningrad, 1931, pp. 31–32.
21. Kudinov N.F. *Dukhovnyy khristianin* [Spiritual Christian]. 1992, No. 1, P. 29.
22. Kudinov N.F. *Dukhovnyy khristianin* [Spiritual Christian]. 1992, No. 1, P. 30.
23. Brockhaus F., Efron I. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1896, Vol. XIX, P. 646.
24. Morozov I.P. *Molokane* [Molokans]. Moscow, Leningrad, 1931, pp. 32–33.
25. Kudinov N.F. *Dukhovnyy khristianin* [Spiritual Christian]. 1992, No. 1, pp. 34–35.
26. Morozov I.P. *Molokane* [Molokans]. Moscow, Leningrad, 1931, pp. 32–33.
27. Kudinov N.F. *Dukhovnyy khristianin* [Spiritual Christian]. 1992, No. 1, pp. 35–36.
28. Morozov I.P. *Molokane* [Molokans]. Moscow, Leningrad, 1931, pp. 32–33.
29. Kudinov N.F. *Dukhovnyy khristianin* [Spiritual Christian]. 1992, No. 1, pp. 37–41.